

Чжао Цзинжэнь тащил его за собой с бесцеремонной грубостью, направляясь к уединенному уголку сада. Лу Силай лишь безучастно закатывал глаза, созерцая небо с выражением полной безнадежности.

Из когтей этого человека он не мог вырваться с самого детства.

В юности Силай был ленив до мозга костей — отец в сердцах называл его «безнадежным лентяем, из которого и путного-то ничего не слепишь». И всё же по воле случая его отправили в ученики к великому мудрецу Юй Цзичжоу, где он и стал соучеником наследника князя Нинъян.

Его сверстник Чжао Цзинжэнь обладал не только блестящим умом, но и редкой красотой. Избалованный обожанием домочадцев, он рос столь же талантливым, сколь и гордым. Лу Силай на его фоне всегда казался существом низшего порядка. При первой встрече он лелеял слабую надежду: «Если не могу победить силой или умом, то разве не смогу хотя бы спрятаться?» Но жизнь раз за разом доказывала — от Цзинжэня спрятаться невозможно.

Как бы быстро Силай ни бежал, в какой бы норе ни затаился, Цзинжэнь находил его без малейшего труда. Выуживал на свет божий и, лучезарно улыбаясь, ронял:

— Лу Силай, ну не смог ты подобрать рифму к моему двустипхию, но зачем же сразу бежать?

В те годы Чжао Цзинжэнь был ослепительно прекрасен. Силай рос честным и благонаправленным юношей, но, созерцая эту улыбку десять лет кряду, волей-неволей пристрастился к «рукаву, отрезанному в порыве страсти».

Их близость росла вместе с ними: от невинных объятий они перешли к ласкам, пока в конце концов всё не закончилось на широкой кровати в поместье князя Нинъян. И даже тогда, задыхаясь от боли и обливаясь потом, Лу Силай продолжал слепо обожать лицо Цзинжэня, чьи черты тонули в полумраке, очерченные лишь холодным лунным светом из окна.

— Вернись в реальность.

Перед глазами внезапно потемнело — широкая ладонь качнулась прямо перед его лицом. Лу Силай моргнул, фокусируя взгляд на Цзинжэне. Потребовалось время, чтобы окончательно вынырнуть из омута воспоминаний.

Первое, что он почувствовал — тупую боль в локте, за который его всё ещё крепко держали.

— В чём дело? — буркнул он хрипло.

— Ты ещё спрашиваешь!

Вспылив, Цзинжэнь — и без того пребывавший в дурном расположении духа — рванул его за подбородок, намереваясь впиться в губы грубым поцелуем. Лу Силай в панике вскинул веер, закрываясь им как щитом.

— Это дар Его Величества! Императорский подарок! Не смей своевольничать!

Цзинжэнь замер. Смерив его недобрым взглядом, он резко оттолкнул руку Силая.

— Янь Шэнь наверняка уже поверил, что ты не Лу Силай. Значит, ты можешь уйти. Пора заканчивать эту игру.

— Уйти... — Лу Силай задумчиво протянул последнее слово. Обмахиваясь веером, он отошёл на несколько шагов и нахмурился: — Знаешь, говорят, что малый отшельник скрывается в лесу, средний — на рынке, а великий — при дворе. Мне кажется, моё нынешнее положение вполне удачно.

Договорить он не успел. Цзинжэнь с силой дёрнул его за плечо, развернул и пригвоздил к декоративным камням.

— Лу Силай, с меня хватит твоих фокусов! Мне плевать, в какие игры ты играешь с императором или Янь Шэнем. Ты вернёшься со мной в моё поместье!

Силай невольно охнул — спину прошила резкая боль от удара о камни. «Забавно, — подумал он с горькой усмешкой, — неприятности вечно находят меня сами, а теперь ещё кто-то смеет называть меня зачинщиком беспорядка».

Видя его явное нежелание подчиняться, Цзинжэнь, вконец раздосадованный, снова склонился к нему для поцелуя. Гнев вспыхнул в душе Силая, и он резко отвернул голову.

Раньше Цзинжэнь всегда так делал — пытался усмирить его нежностью. Но теперь... хватит с него.

— Чжао Цзинжэнь, — в голосе Лу Силая, обычно склонного к мольбам о пощаде, прорезался холод. Он ледяно усмехнулся. — Ответь мне на один вопрос. Кто десять лет назад вышвырнул меня из ворот поместья князя Нинъян?

Эти слова ударили Цзинжэня подобно обуху. Он застыл с полуоткрытым ртом, не в силах вымолвить ни слова. Лишь пальцы его дрогнули, а он медленно закрыл глаза. Хватка на плечах Силая ослабла, и руки князя бессильно упали вдоль тела.

Освободившись, Лу Силай не стал менять неловкую позу, продолжая прижиматься спиной к камням. Глядя на искаженное мукой лицо Цзинжэня, он почувствовал, как сердце предательски смягчается.

— Я не виню тебя, — вздохнул он, мягко отстраняя стоявшего перед ним мужчину. — Но раз уж ты однажды отпустил мою руку... отпусти меня окончательно.

В глазах предательски защипало. Лу Силай поспешно развернулся и, нарочито небрежно встряхнув широкими рукавами, зашагал прочь.

Он искренне не понимал, почему так легко поддаётся жалости. Силай горько усмехнулся про себя: «А он, Чжао Цзинжэнь, хоть раз проявлял к тебе милосердие?»

Когда десять лет назад его лишили всей внутренней силы, когда он, израненный, чудом добрался до поместья князя Нинъян, одно лишь короткое «Проваливай» из уст Цзинжэня заставило того глупого мальчишку проливать слезы три дня и три ночи.

Он до сих пор помнил ту ледяную пещеру, где прятался в одиночестве, дрожа от холода. Единственным источником тепла тогда были его собственные слёзы. Боявшийся боли с самого детства, он сворачивался клубочком, пытаясь защитить себя, но отчаяние, словно невидимый клинок, вонзалось в грудь, вырывая куски плоти. Он на собственной шкуре узнал, что значит по-настоящему разбитое сердце.

Прошло десять лет. Он больше не был тем глупым мальчишкой.

Раскрыв императорский веер, Лу Силай прибавил шагу, возвращая на лицо привычную маску беззаботного веселья. Он не был уверен, застанет ли Сяо Цзю в Императорской академии — после долгих игр с императором-стариком день уже перевалил за полдень.

Однако, когда он толкнул дверь кабинета, юноша в белых одеждах привычно сидел за столом, погружённый в чтение. Девятый принц поднял голову, и в его взгляде на мгновение промелькнуло удивление — он уже знал, что император отозвал Лу Силая. Видимо, не ожидал, что тот всё же придёт.

Силай, посмеиваясь и потирая нос, подбежал к столу и небрежно бросил на него веер.

— На, это тебе.

Принц отложил книгу и с недоумением взял подарок. Осмотрев его, он медленно раскрыл веер.

— Подлинник У Даоцзы... — прошептал Ишу, поглаживая пальцами поверхность. Внезапно он замер и с изумлением поднял глаза: — Наставник, это ведь веер отца.

— Именно так. Императорский подарок! — Лу Силай отряхнул одежду и присел рядом, жадно отпив воды. — Держи его при себе. Посмотрим, посмеет ли теперь твой шестой брат хоть пальцем тебя тронуть.

Ишу долго сидел неподвижно, после чего закрыл веер и положил его обратно на стол. На его лице не было и тени радости.

— Наставник, Ишу не может это принять. Раз отец подарил вам свою любимую вещь, значит, он хочет видеть её в ваших руках.

Видя, что юноша отказывается, Силай заволновался и снова попытался всучить ему веер.

— Не думай о нём. Раз он отдал его мне, значит, веер мой.

Но Девятый принц был непреклонен.

— Наставник, быть подле государя — всё равно что с тигром спать.

Эта тихая фраза заставила Силая ощутить, как по спине пробежал холодок. Он вспомнил, как внезапно леденел взгляд императора, и в душе зашевелился запоздалый страх. Сяо Цзю был прав: если император вдруг увидит, что его подарка нет при владельце, он может в гневе и головы лишить.

Тяжело вздохнув, Лу Силай убрал веер, но тут же с любопытством спросил:

— Сяо Цзю, а ты сам... хотел бы стать императором?

Вопрос был столь внезапен, что принц вздрогнул, а затем простодушно покачал головой.

Силай изумился такому ответу, невольно вспоминая сегодняшние слова старого правителя о том, что тот с самого рождения не желал трона. «Яблоко от яблони», — подумал он. Жаль только, что старик, похоже, совсем позабыл об этом сыне, который был на него так похож.

Лу Силай снова вздохнул и пробормотал, словно обращаясь к самому себе:

— Почему не хочешь? Стань ты императором — и никто больше не посмел бы тебя обижать.

Ишу лишь печально опустил голову, не ответив. Сменив тему, он тихо спросил:

— Наставник, раз вас перевели, увидимся ли мы снова?

Силай замялся. Вспомнив вчерашние угрозы Наследного принца и своё прошение об отставке, он почувствовал неловкость.

— Ну... это... Дай-ка я сначала проверю твой пульс.

Сяо Цзю промолчал, послушно протянув запястье. Лу Силаю было не по себе, но стоило его пальцам коснуться точки на запястье принца, как он мгновенно стал серьёзным.

Вчера, во время осмотра, он заметил резкий скачок силы, но списал это на слабость после ранения. Однако сегодня мощь пульса возросла многократно — теперь он был столь же глубок и плотен, как у человека, годами практикующего боевые искусства. И это всего за три дня! С какой же скоростью растёт его внутренняя энергия?

Лу Силай сохранял внешнее спокойствие, но в голове его роились тревожные мысли. Помолчав, он осторожно спросил:

— Сяо Цзю... ты раньше занимался боевыми искусствами?

— Никогда.

Силай невольно поморщился. «Пропавшая моя голова! — вопил внутренний голос. — Надо же было столкнуться в самом сердце дворца с гением, который рождается раз в столетие! И по иронии судьбы именно я научил этого самородка основам». Если об этом станет известно, ему, человеку, привыкшему прятаться в тени, не сносить головы.

Сяо Цзю, обладавший поразительной чуткостью, поднял глаза на наставника.

— Наставник, если вы против, Ишу больше не будет практиковать.

Лу Силай вздрогнул от того, как легко принц прочитал его мысли.

— Нет, Сяо Цзю... я вовсе не это имел в виду.

Принц ничего не ответил, но в его взгляде читалось полное понимание.

Глядя на бесстрастное лицо ребенка и его запястья, покрытые шрамами, Силай укорил себя за эгоизм и заставил себя улыбнуться.

— Занимайся, Сяо Цзю, не думай ни о чем. Пройдет время, и я научу тебя... э-э... технике фехтования, которую подсмотрел у соседа-кузнеца. — Он снова почувствовал дрожь: кажется, теперь у него нарисовались проблемы ещё и со школой Цинчэн.

Ишу помолчал, а затем тихо произнёс:

— Спасибо, наставник.

Чувствуя, что совершенно не понимает этого ребенка, Лу Силай с долей беспокойства спросил:

— И всё же... до какого уровня ты дошёл?

Заметив тревогу на лице наставника, Сяо Цзю на мгновение задумался, а затем молча сделал резкий выпад ладонью в сторону.

Красная свеча, стоявшая в сажени от него, мгновенно погасла на глазах у изумленного Силая.

Принц опустил руку и невозмутимо произнес:

— Полагаю, до такого.

Лу Силай снова поморщился. Он начал всерьёз раскаиваться в содеянном.

Несмотря на жалость к Сяо Цзю, Силай по натуре был трусоват и больше всего боялся разоблачения. Остаток дня он провел как в тумане, отвечая невпопад. Распрощавшись с принцем, он почти бегом вернулся во дворец. По пути он даже пытался так же лихо махнуть ладонью на придорожную траву, но сорняки даже не шелохнулись. «Ученик превзошел учителя, да ещё так быстро!»

Вернувшись в поместье премьер-министра, он направился к своим покоям. Проходя мимо веранды, Лу Силай услышал шум в саду. Повинуясь внезапному импульсу, он заглянул через кустарник.

Надо же! Господин Премьер-министр собственной персоной отрабатывал технику шеста.

<http://bllate.org/book/17426/1695738>